А. БРЕЙТМАН

«СИНТЕТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ КРИЗИСОВ» ГЕРЦЕНШТЕЙНА *

Мы переживаем теперь период величайшего мирового экономического кризиса, потрясающего основы капиталистического строя. Известно, какое значение в деле развития революционного движения придавали кризисам Маркс и Энгельс, связывая непосредственно с ними революционные перспективы своего времени.

Не даром Энгельс писал Марксу после кризиса 1857 г.: «Во время острого кризиса я был абсолютно неспособен думать о чем-либо другом, кроме «Generalcrach»[1].

Но «нынешний кризис развертывается на базе общего кризиса капитализма», когда «наряду с капиталистической системой хозяйства существует социалистическая система, которая растет, которая преуспевает, которая противостоит капиталистической системе и которая самим фактом своего существования демонстрирует гнилость капитализма»[2].

И мы знаем, что «противоречия капитализма в связи с мировым кризисом обостряются до крайности; мы убеждены, что «стабилизации капитализма приходит конец», что «подъем революционного движения масс будет нарастать с новой силой», что «мировой экономический кризис будет перерастать в ряде стран в кризис политический»[3].

И потому коммунистическая мысль так остро и напряженно следит за процессом расширения и углубления кризиса. Неслучайно, что и теоретическая работа коммунистов сосредоточивается в большей мере на проблемах кризиса и империализма: только марксова теория кризисов и ленинское учение об империализме дают нам ключ к теоретическому осознанию современного капиталистического кризиса.

Между тем литература, излагающая и популяризирующая марксову теорию кризисов, чрезвычайно засорена буржуазными влияниями всех видов и оттенков.

Одним из вреднейших искажений марксистско-ленинской теории в учении о кризисах представляют собой получившие за последние годы широкое распространение писания Герценштейна.

Герценштейн — типичный эклектик-ревизионист, под прикрытием марксовых цитат грубо фальсифицирующий марксизм.

Написанные квази-научным и сверхпрофессорским языком в напыщенном и витиеватом стиле работы Герценштейна терроризируют читателя своей исключительной недоступностью.

Но эта буржуазно-профессорская манера писаний Герценштейна целиком соответствует эклектической мешанине их содержания, той смеси механистических и идеалистических воззрений, которую Герценштейн проповедует под видом «синтетической теории кризисов».

---

* Статья по техническим причинам задержалась и не попала в предыдущий номер журнала.

[1] Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. XXII, с. 284.

[2] Сталин, Доклад на XVI съезде партии. Стеногр. отчет съезда, с. 20.

[3] Там же, с. 22.

Может быть Герценштейн дает марксовой теории только соответствующее своей терминологии «ученое» название?

Нет, к сожалению тут дело не в названии, а в том, что Герценштейн считает несовершенной теорию Маркса, что и развитие марксовой теории Лениным он признал недостаточным, а потому он вынужден по-новому, по-иному построить теорию кризисов, т. е. продолжить и пересмотреть марксово учение. Так, Герценштейн сообщает своим читателям, что «марксизм не сказал пока своего последнего слова в области теории кризисов... Появился ряд ценных работ, по-иному (по-иному, чем Маркс, Ленин? Иначе понять Герценштейна нельзя — *А. Б.*) ставятся некоторые основные вопросы, ясно обнаруживается желание победоносно прорваться наконец вперед к завершенному синтетическому объяснению[4].

В другом месте Герценштейн указывает, что «Ленин первый наметил путь к синтезу кажущихся внешне самостоятельными моментов... Но этот синтез до сих пор не завершен»[5].

Мы видим следовательно, что Ленин сделал шаг вперед по пути к... Герценштейну, но все же до развернутой «синтетической» теории дойти он не сумел.

Не даром Герценштейн полагает, что его вступительная статья к книге Митчелля представляет собой «суммирование результатов движения марксистской мысли уже на другом познавательном уровне»[6].

Но рассмотрим, что же представляет собой эта «синтетическая» теория кризисов, где по-марксистски, но по-иному, чем у Маркса, и по «ином познавательном уровне»» ставятся основные вопросы теории кризисов.

По этой теории «всеобщий кризис перепроизводства наступает тогда, когда развившееся противоречие между производством и потреблением объективируется в суммарную производственно-потребительскую диспропорцию, ликвидация которой бескризисным путем (?) требует сознательного (!!!) коллективного (!!!) сокращения присваиваемой и накопляемой прибавочной стоимости (!!!) и расширения покупательной способности рабочего класса и потребления класса капиталистов»[7].

Но так как из этой тарабарщины трудно уловить смысл концепции автора, то предоставим слово Герценштейну, владеющему тайным шифром своих мудрых писаний.

Синтетическое понимание кризисов, — разъясняет Герценштейн, — «означает освоение этой проблемы в плане трех последовательных ступеней: 1) возможность кризисов, 2) неизбежность кризисов, 3) периодичность кризисов»[8].

Рассмотрим сначала, как понимает Герценштейн проблему возможности и необходимости кризисов при капитализме.

---

[4] Вступительная статья к книге Митчелля, Проблемы капиталистического цикла с. XIV.

[5] Там же, с. XL.

[6] Там же, с. XIV.

[7] Вступительная статья к книге Митчелля, Проблемы капиталистического цикла с. XLII,

[8] Там же, с. XXXIII – XXXIV.

Верно, что Маркс отличает возможность кризисов от их необходимости. Чем же определяется возможность кризиса по Марксу?

Известно, что наиболее общую и абстрактную возможность кризиса Маркс видел в товарности общественного производства: уже в самой форме товара, заключающей в себе единство противоположностей — потребительной стоимости и стоимости — заключена общая, абстрактная возможность кризиса.

«Имманентная товару противоположность потребительной стоимости и стоимости частного труда,—говорит Маркс,—который в то же время должен представлять собой непосредственно общественный труд, особенного и конкретного труда, который однако функционирует лишь как абстрактный и всеобщий труд олицетворения вещей и овеществления лиц, — это имманентное противоречие в полярной противоположности товарных метаморфоз получает развитые формы своего движения. Следовательно уже эти формы заключают в себе возможность, однако только возможность — кризисов [9], так как купля и продажа, являясь внешне совершенно самостоятельными по отношению друг к другу, могут оказаться разорванными и распавшимися, но, представляя собой внутреннее единство, они должны быть соединены, что насильственным путем и осуществляется кризисами.

Если возможность кризисов марксистская теория видит в товарном характере производства, то необходимость их и Маркс и Энгельс, и Ленин всегда объясняли основным, наиболее глубоким противоречием капитализма, неоднократно заявляя, что этим основным противоречием они считают противоречие между общественным характером производства и капиталистическим способом присвоения, ибо «это противоречие, сообщившее новому способу производства его капиталистический характер, заключало в себе зародыш всех современных противоречий» [10].

Но Герценштейн по-иному, чем основоположники марксизма, понимает, ч е м определяется возможность кризисов, он извращает Маркса и Ленина и в объяснении причин неизбежного превращения возможности кризисов в условиях капитализма в действительность.

Возможность кризиса Герценштейн видит в анархии общественного производства.

«Анархия общественного производства, — утверждает Герценштейн во всех своих работах, — сама по себе обусловливает лишь возможность кризисов» [11].

Но Ленин говорил нечто совсем иное об этом основном вопросе — о роли анархии производства; он неоднократно совершенно ясно и и точно указывал, что и м е н н о н е о б х о д и м о с т ь к р и з и с о в обусловлена беспорядочностью и анархией капиталистического способа производства.

Герценштейн не понял, что анархия производства есть специфическое свойство к а п и т а л и с т и ч е с к о г о о б щ е с т в а. Отождествив анархию производства с товарностью хозяйства, он представляет себе поэтому, что в простом товарном хозяйстве кризисы возможны,

---

[9] К а п и т а л, т. I, с. 65.

[10] Э н г е л ь с, Анти-Дюринг, с. 255.

[11] См. вступительную статью к М и т ч е л л ю, с. XVI; выступление на дискуссии об американском кризисе; сб. „Экономический кризис в САСШ“, с. 26, и статью „Основные элементы теории кризисов“, в № 1 журн. „МХ и МП“ за 1930, с. 58 и 73.

но не необходимы, поскольку здесь имеется лишь анархия производства, содержащая только возможность кризиса.

Маркс говорит, что превращение возможностей кризиса в действительность требует ряда условий, не существующих в пределах простого товарного обращения.

И вот Герценштейн понял дело так, что в простом товарном хозяйстве возможность кризисов дана анархией производства, существующей здесь, но она не превращается в необходимость благодаря отсутствию в условиях простого товарного хозяйства противоречия между производством и потреблением, чем, как мы увидим дальше, объясняется по Герценштейну необходимость кризисов. Но Ленин никогда не отделял беспорядочность, анархию производства от основного противоречия капитализма. Он всегда рассматривал ее как капиталистическую анархию производства, являющуюся выражением противоречия между общественным производством и капиталистическим присвоением.

И согласно ленинскому пониманию наличие лишь возможности, но не необходимости кризисов в простом товарном хозяйстве объясняется вовсе не тем, что здесь имеется только анархия производства, но наоборот тем, что сама анархия производства находится здесь еще в зародышевом состоянии.

Понимание же анархии производства как идентичной лишь товарности хозяйства, а не как представляющей собой выражение классовых капиталистических отношений, Герценштейн позаимствовал у Каутского [12].

Но такое понимание анархии производства ничего общего не имеет с высказываниями Ленина по этому вопросу.

Так, например в полемике с сисмондистами, Ленин заявляет, что марксистская теория кризисов «объясняет их противоречием между общественным харктером производства и частным характером присвоения, — беспорядочностью производства» [13].

Разбирая дальше вопрос о различии между возможностью и необходимостью кризисов и давая объяснение необходимости кризисов, Ленин пишет: «Анархия производства, отсутствие планомерности производства» — о чем говорят эти выражения? О противоречии между общественным характером производства и индивидуальным характером присвоения» [14].

С особой же яркостью Ленин разъяснил свое понимание анархии производства как капиталистической анархии, включающей в себе товарность производства, но не сводящейся к ней одной, в спорах с Плехановым о программе партии перед II съездом РСДРП.

Плеханов в своем проекте объясняет кризисы, во-первых, ростом общественного неравенства и, во-вторых, ростом соперничества. Ленин же в возражениях на плехановский проект замечает: «Недостаток тот, что указаны 2 причины... Не указана основная причина кризисов «Planlosigkeit», отсутствие планомерности, частное присвоение при общественном производстве» [15].

---

[12] Каутский, Собр. соч., т. II, с. 65—66.
[13] Ленин, Собр. соч,, т. II, с, 36.
[14] Там же, с. 39 (подчеркнуто мной — *А. Б.*).
[15] „II Ленинский сборник", с. 26—27.

Мы знаем теперь, как искажает взгляды Маркса и Ленина «синтетическая теория» Герценштейна и в понимании анархии производства и в вопросе о том, чем определяется возможность кризисов.

Но это еще не все.

Считая, что анархия производства образует лишь бессодержательную возможность кризисов[16], Герценштейн — заявляет, что анархия производства равнодушна к характеру кризисов[17], более того, что анархия производства... сама по себе исключает однозначное постоянство типа диспропорций.

С точки зрения анархии как таковой непонятно, почему надвигающийся кризис не может быть преодолен[18].

Здесь Герценштейн не только искажает ленинское понимание анархии производства, преподнося чисто каутскианское ее определение, но механистически противопоставляет возможность и необходимость кризиса, отрывая их друг от друга.

Но в марксовом понимании возможность и необходимость кризиса не оторваны друг от друга; наоборот возможность кризиса содержит в себе его необходимость в неразвитом виде, в то время как необходимость кризиса включает в себе возможность как свой момент.

Чтобы кризис стал действительным, он должен быть возможным. Но возможность отнюдь не всегда должна развиться в действительность; лишь найдя соответствующие для своего развития условия, она превращается в необходимость.

И если товарность хозяйства определяет возможность кризиса, то условия капиталистического способа производства создают материал для диалектического превращения этой возможности в необходимость.

Поэтому капиталистическая анархия производства, являющаяся выражением основного противоречия капитализма — противоречия между общественным характером производства и капиталистическим способом присвоения, — определяя необходимость кризиса, включает в себе и товарность производства как момент, обусловливающий возможность кризиса.

Но как Герценштейн объясняет необходимость кризисов при капитализме?

Считая противоречие между производством и потреблением руководящим противоречием» [19] капитализма, Герценштейн утверждает, что «движение противоречия между производством и потреблением лежит в основе всего цикла» [20], что противоречие между производством и потреблением вызывает кризис [21], что «движение противоречия между производством и потреблением определяет тип кризисов (кризисы всеобщего перепроизводства) [22], наконец что «необходимость всеобщих кризисов капиталистического хозяйства обусловлена специфическим противоречием между производством

---

[16] Журнал „Мировое хозяйство и мировая политика“ № 1 за 1930 г., с. 73.

[17] Вступ. статья к Митчеллю, с. XLI, см. также „МХ и МП“ за 1930 г., с. 58.

[18] Журн. „МХ и МП“ за 1930 г., с. 73, см. также вступ. статью к Митчеллю, с. LXII.

[19] Журн, „МХ и МП“ № 1 за 1930 г., с. 73.

[20] Вступительная статья к Митчеллю, с. XLIII.

[21] Там же, с. LXIII.

[22] Там же, с. LXIV (подчеркнуто автором).

и потреблением, заложенным в природе буржуазного способа производства»[23].

Это центральное положение своей концепции Герценштейн повторяет во всех своих работах[24].

Между тем Ленин писал, что «нет ничего бессмысленнее, как выводить... будто он (Маркс — *А. Б.)* объяснял кризисы недостаточным потреблением»[25].

Герценштейн конечно знает, что Ленин выступил против объяснения кризисов недопотреблением. Он не может не знать, что, говоря о противоположности между сисмондистской и марксистской теориями кризисов, Ленин писал: «Две теории кризисов, о которых мы говорим, дают им совершенно различные объяснения. Первая теория объясняет их противоречием между производством и потреблением рабочего класса, и вторая — противоречием между общественным характером производства и частным характером присвоения»[26].

Но Герценштейн не смущается этим: все дело в том, что до него не было правильного, «синтетического» понимания потребления, и лишь поэтому Ленин считал бессмысленным объяснять кризисы недостаточным потреблением.

«Трудность осознания необходимости капиталистических кризисов, — разъясняет Герценштейн, — объясняется обычным неумением удержать в логическом поле зрения все эти моменты потребления одновременно... Силой теоретического синтеза надо охватить проблему потребления как единство трех определений — целевого, пропорционального и функционального. Тогда ясно раскрывается необходимость кризисов[27].

Ленин говорит, что нельзя кризисы объяснять недопотреблением, а Герценштейн разъясняет, что весь вопрос сводится к пониманию потребления, к точке зрения на потребление.

Герценштейн так и пишет: «Ленин борется против двух ошибок Сисмонди. Во-первых, против его наивного понимания противоречия между производством и потреблением... Выше мы видели, как надо понимать характер этого противоречия, чтобы правильно осознать необходимость кризисов. Во-вторых, Ленин возражает против попытки объяснить кризисы при капитализме, исходя лишь из противоречия между производством и потреблением (вдобавок еще неправильно понятого) и игнорируя анархическую природу капитализма[28].

Итак, так как теперь Герценштейн объяснил, «как надо понимать недопотребление», то теория недопотребления может быть вновь восстановлена в качестве истины последней инстанции.

Не даром Герценштейн говорит: «Если умеючи (весь вопрос в умении — *А. Б.*) повернуть ось явлений, случайное станет закономерным, в частном и индивидуальном неожиданно обнаружатся элементы общего. Это и будет научным открытием»[29].

---

[23] Вступительная статья к Митчеллю, с. XXXVII (подчеркнуто автором).
[24] Журн. „МХ и МП“ за 1930 г., с. 55 и ст. в сбор. „Эконом. кризис в САСШ“, с. 26
[25] Ленин, Собр. соч., т. III, с. 32.
[26] Там же, т. II, с. 36.
[27] Журн. „МХ и МП“ № 1 за 1930 г., с. 58; вступит. статья к Митчеллю, с. XL.
[28] Журн. „МХ и МП“ № 1 за 1930 г., примечание к с. 74.
[29] Вступильная статья к Митчеллю, с. XV.

**
*

Почему же бессмысленно и неверно объяснять кризис противоречием между производством и потреблением?

Прежде всего ведь противоречие между производством и потреблением несомненно существует и в простом товарном хозяйстве, поскольку здесь имеется противоположность частного и общественного труда; более того, оно существует и за пределами даже простого товарного хозяйства, ибо «если у древних не было перепроизводства, то там было чрезмерное потребление богатых» [30].

И поэтому одним из основных доводов против теории недопотребления Ленин выдвигает то, что «недостаточное потребление (объясняющее будто бы кризисы) существовало при самых различных хозяйственных режимах, а кризисы составляют отличительный признак только одного режима — капиталистического» [31].

Далее утверждение о происхождении кризисов из недопотребления ничего не объясняет, но наоборот лишь само нуждается в объяснении.

И поэтому Маркс говорит, что «было бы простой тавтологией сказать, что кризисы вытекают из недостатка платежеспособного потребления или платежеспособных потребителей», так как «капиталистическая система не знает иных видов потребления кроме оплачиваемого», и «если товары остаются нераспроданными, это не означает не чего иного, как то, что на них не находится платежеспособных покупателей, т. е. потребителей» [32].

В самом деле, если товары остаются нераспроданными, то это лишь другое выражение несоответствия производства и платежеспособного спроса, но после признания этого остается невыясненым тот вопрос, который и должен как раз объяснить причину кризисов: почему производство и потребление пришли в такое несоответствие, что не оказалось платежеспособных покупателей?

Между тем, как это отмечали и Маркс, и Энгельс и Ленин, «именно в эпохи, предшествующие кризисам, потребление рабочих повышается [33].

И почему, несмотря на повышение в периоды, предшествующие кризисам потребительского спроса вообще, в ходе капиталистического цикла неизбежно наступает момент, когда на произведенные товары не находится платежеспособного спроса?

Ответа на этот вопрос теория недопотребления дать не может.

Далее, объясняя кризисы недопотреблением, эта теория ставит во главу угла несоответствие производства с доходом, образующим спрос лишь на предметы потребления, игнорируя роль отраслей производства, производящих средства производства, не понимая, что накопление есть превышение производства над доходом.

И характерно, что Герценштейн в перераспределении дохода видит возможность преодоления кризисов при капитализме.

Так, он пишет: «Не перераспределением капитала между отраслями производства, а перераспределением дохода между капиталистами и рабочим классом можно «снять» эту диспропорцию, т. е. кризис» [34].

[30] Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. II, ч. 2, с. 194.
[31] Ленин, Собр. соч., т. II, с. 36.
[32] „Капитал“, т. II, с 296.
[33] Ленин, Собр. соч., т. II, с. 36; см. также „Капитал“, т. II, с. 296—297.
[34] Герценштейн, вступит. статья к Митчеллю, с. LXII.

Но ведь эта типичная социал-демократическая постановка вопроса: утверждение, что высокая заработная плата означает преодоление кризисов в условиях капитализма, составляет квинт-эссенцию всех современных писаний о кризисе немецких социал-демократов, которые, исходя из этой «теоретической основы», уговаривают капиталистов, что высокая оплата труда рабочих им самим вредна.

Вот например известный Фриц Нафтали утверждает, что «социалистическая конъюнктурная политика», направленная на снижение цен и повышение зарплаты, устраняет явления кризисов и депрессий при капитализме [35], но Герценштейн повторяет социал-демократию не только в этом вопросе.

Тот же Нафтали в другой своей брошюре («Wirtschaftskriseund Arbeitlosigkeit», S. 11) говорит например, что «К. Маркс, к сожалению, не оставил нам полно развитой теории кризисов»; понимание Герценштейном анархии производства весьма сходно с рассуждением Н. Мошковской, противопоставляющей анархию производства как организационный принцип капитализма по социально-классовой природе (см. «Der Kampf» № 3 за 1931 г., с. 77 и 79).

Между тем при капитализме наибольшую командную роль играют отрасли, производящие средства производства, продукция которых обменивается на капитал, а не на доход; эти отрасли, в известных пределах, сами создавая себе рынок, одновременно увеличивая спрос на предметы потребления, играют и решающую роль в развертывании цикла.

А отставание потребления непосредственную связь может иметь только с реализацией продукции отраслей, производящих средства потребления. И поэтому Ленин, возражая против теории недопотребления, отводит противоречию между производством и потреблением место, как «относящемуся лишь к одному подразделению всего капиталистического производства» [36], к подразделению средств потребления.

Но в капиталистической действительности, где развит кредит и самостоятельную роль играет торговый капитал, даже спрос на средства потребления может определяться не непосредственно величиной доходов (т. е. спросом непосредственных потребителей); он может здесь мистифицироваться более или менее продолжительное время например оптовым купцом: «Весь процесс воспроизводства может находиться в самом цветущем положении, и однако большая часть товаров может переходить в сферу потребления лишь по видимости, в действительности же она остается нераспроданной в руках перекупщиков, следовательно фактически все еще пребывает на рынке».

И когда «потом разражается кризис», то «он проявляется не в непосредственном уменьшении потребительского спроса, спроса со стороны личного потребления, а в сокращении обмена капитала на капитал» [37].

Наконец теория недопотребления неприемлема с точки зрения методологической, ибо она «видит корень явления и в н е производства» (т. е. в реализации, в обращении — *А. Б.*), в то время как марксов метод требует искать причины кризисов «именно в условиях производ-

---

[35] Fritz Naphtali, Konjunktur, „Arbeiterklasse und sozialistische Wirtschaftspolitik", S. 27—29.

[36] Ленин, Собр. соч., т. II, с. 36—37.

[37] „Капитал", т. II, с. 38.

ства»[38], ведь «...обмен... непосредственно заключен в производстве, или определяется этим последним», при этом «производство превалирует... над всеми другими моментами»[39], а «отношения и способы распределения являются поэтому лишь оборотной стороной агентов производства»[40].

Марксистская теория исходит из того, что при капитализме производство в известных границах само создает себе рынок, ибо, развивая накопление, оно должно расширять отрасли, производящие средства производства, а рост этих отраслей создает добавочный спрос и на предметы потребления. Следовательно капиталистическое производство само определяет потребление; здесь накопление и производство неизбежно обгоняют потребление, марксистская теория и подчеркивает этот факт непосредственной зависимости потребления от производства, в то время как теория недопотребления во всех вариантах перевертывает действительные отношения и представляет ход развития капитализма так, как будто потребление определяет здесь движение производства.

Но ведь и Маркс не раз говорил, что «последней причиной всех действительных кризисов остается все же бедность и ограниченность потребления масс»[41].

И это утверждение Маркса не только не противоречит другим его высказываниям о кризисах, но является одним из центральных звеньев всей его теории кризисов. Ибо марксова теория в объяснении кризисов вовсе не отрицает значения факта недопотребления и не абстрагируется от него.

Она ничего общего не имеет с той фальсификацией ее, которую проводит Гильфердинг в своей концепции кризисов, заявляющий, будто марксова теория устраняет вообще момент нищеты масс из объяснения кризисов и что кризис вообще не имеет никакого отношения к недопотреблению масс[42].

Марксова теория, — говорил Ленин, — «вполне признает этот факт (противоречия между производством и потреблением — *А. Б.),* но отводит ему надлежащее место... Она учит, что этот факт не может объяснить кризисов, вызываемых другим, более глубоким, основным противоречием современной хозяйственной системы, именно противоречием между общественным характером производства и частным характером присвоения»[43].

Или, как пишет об этом Ленин в другом месте: «Неверность теории недопотребления состоит в объяснении кризисов т о л ь к о недостаточным потреблением рабочего класса[44].

Если марксистская теория признает известную независимость производства средств производства от производства средств потребления и от спроса, образуемого доходами, и исходя отсюда она утверждает, что капитализм сам создает себе рынок, то лишь при нелепейшем фантастическом изображении капиталистического производства автоматическим аппаратом самодвижущихся машин, где устранен челове-

---

38 Л е н и н, Собр. соч., т. II, с. 36 (подчеркнуто Лениным).
39 М а р к с, Введение к критике, с. 35.
40 Там же, с. 29—30.
41 „К а п и т а л", т. III, ч. 2, с. 18.
42 Г и л ь ф е р д и н г, Финансовый капитал, с. 269 и 285.
43 Л е н и н, Собр. соч.. т. II, с. 36—37.
44 Там же, т. XXI, с. 303 (подчеркнуто Лениным).

ческий труд вообще, где нет вообще общества — как это апологетически изображает Туган — можно допускать полную и абсолютную независимость производства от потребления.

Ведь «в конечном счете изготовление средств производства необходимо связано с изготовлением предметов потребления, ибо средства производства изготовляются не ради самих же средств производства, а лишь ради того, что все больше и больше средств производства требуется в отраслях промышленности, изготовляющих предметы потребления» [45].

И поэтому Ленин пишет, что «различие (между сисмондистами и марксистами — *А. Б.*) состоит в том, что мелкобуржуазные экономисты считали эту связь между производством и потреблением непосредственной, думали, что производство идет за потреблением. Маркс же показал, что эта связь лишь посредственная, что сказывается она лишь в конечном счете, ибо в капиталистическом обществе потребление идет за производством. Но хотят и посредственная, а все-таки связь есть: потребление в конечном счете должно итти за производством, и если производительные силы рвутся к безграничному росту производства, а потребление сужено пролетарским состоянием народных масс, то противоречие здесь несомненно» [46], и выражается оно в периодически происходящих кризисах.

Поэтому Маркс и говорит, что последним основанием кризисов является нищета масс.

Кризис выражается и в доведенном до открытого взрыва противоречии производства и потребления. Но производство и потребление возводятся в момент кризисов на степень абсолютного противоречия именно противоречием между общественным характером производства и капиталистическим способом присвоения.

Этот разрыв производства и потребления является одним из главных выражений основного противоречия капитализма.

Но было бы неверным отождествлять противоречие между общественным характером производства и капиталистическим способом присвоения с противоречием между производством и потреблением, сводя первое к последнему.

Ибо противоречие общественного производства и капиталистического присвоения имеет множество своих проявлений; как «основное противоречие, заключающее в себе все те противоречия, в которых движется современное производство», оно обнаруживается и в противоположности капитала и труда, пролетариата и буржуазии и в противоречии между общественной организацией производства на каждой фабрике и анархией капиталистического производства в целом, и в обнищании рабочих масс, развивающемся одновременно и соотносительно с возрастанием богатства и в столкновении способа производства и способа обмена [47] и в противоречивости развития различных отраслей капиталистического производства.

Маркс, указывая, что Сисмонди, чувствуя противоречивость капитализма, подходил тем самым к созданию его основного противоречия, говорит, что это противоречие выражается в «противоречии потребительской ценности и меновой ценности, товара и денег, покупки и

[45] Ленин, Собр. соч., т. II, с. 424.
[46] Там же (подчеркнуто Лениным).
[47] Энгельс, Анти-Дюринг, с. 269—270.

продажи, производства и потребления, капитала и наемного труда и т. д.»[48].

Таким образом не потому кризисы становятся необходимыми в капиталистическом обществе, что здесь имеется противоречие между производством и потреблением, как думает Герценштейн; это противоречие существует и в простом товарном хозяйстве, оно существовало и до него, конечно нося здесь качественно другой характер.

Кризисы при капитализме необходимы потому, что капиталистическому способу производства присуще противоречие между общественным характером производства и капиталистическим способом присвоения, что обусловливает и анархичность и беспорядочность общественного производства и придает и противоречию между производством и потреблением качественно другой (по сравнению с простым товарным хозяйством) характер противоречия капитала и труда, периодически возводя его на степень абсолютного противоречия.

И хотя автор «синтетической теории» кризисов — Герценштейн — стремится «прорваться наконец вперед к завершенному объяснению кризисов», но в вопросе о необходимости кризисов он преподносит нам отвергнутую Марксом и неоднократно осмеянную Лениным старую, потрепанную теорию, объясняющую кризис противоречием между производством и потреблением.

Теория, объясняющая кризис недопотреблением, проявляет чрезвычайно большую живучесть.

Давно уже делаются попытки переделки и марксистской теории кризисов на сисмондистски-родбертусианский лад.

Несомненно, что первенство в подобном искажении марксовой теории принадлежит Каутскому: объяснение кризисов недопотреблением является лейтмотивом каутскианского понимания кризисов. И такое понимание вполне соответствует политическим установкам социалдемократии: стремясь отвлечь внимание рабочих масс от коренных противоречий капитализма и от задач свержения буржуазии, социалдемократы хотят представить все бедствия рабочего класса как результат недостатков сферы обращения; и основной задачей пролетариата они выдвигают активное воздействие на регулирование капиталистического обращения. А если изобразить кризис как результат противоречия производства и потребления и свести это противоречие к его рыночному выражению в сфере обращения — к противоречию предложения и спроса, то кризис тем самым объясняется неурегулированностью спроса и предложения, а не спецификой самого капиталистического способа производства.

***

Итак, мы уже знаем, что противоречие между производством и потреблением согласно компетентному разъяснению автора «синтетической теории» обусловливает необходимость кризисов.

Но этим, оказывается, еще не дана действительность капиталистических кризисов. «Тайна кризисов» по учению Герценштейна заложена вообще столь глубоко, что вряд ли она когда-либо может быть

[48] Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. III, с. 48.

постигнута человеческим разумом, если принимать всерьез утверждение Герценштейна, что она заключается в том, что «объективная необходимость раздвинуть границы потреблении масс парализует моторное действие прибыли»[49].

Но к счастью для всего человечества Герценштейн не ограничивается сей весьма звонкой, но пустой фразой, а сообщает кое-что более доступное пониманию о третьей «заключительной главе» синтетической теории цикла, где разбирается вопрос о периодичности кризисов и где рассматривается «кризис всеобщего перепроизводства не как сложившееся состояние, а как деятельное становление»[50].

Правда, Маркс и Ленин писали о кризисах «на ином познавательном уровне», но мы нигде не встречали у них обособления периодичности кризисов от их необходимости.

И в самом деле, выяснив необходимость кризисов при капитализме, мы, тем самым устанавливаем и то, что они необходимо периодически наступают.

Ибо необходимость кризисов при капитализме означает неизбежность и циклического хода развития капитализма.

«Как небесные тела, раз они приведены в известное движение, — говорил Маркс, — постоянно повторяют его, совершенно так же и общественное производство, раз оно брошено в это движение попеременного расширения и сокращения, постоянно воспроизводит его. Следствия в свою очередь становятся причинами, и сменяющиеся фазы всего процесса, который постоянно воспроизводит свои собственные условия, принимают форму периодичности»[51].

Несомненно, что и по Марксу и по Ленину необходимость кризисов включает в себе и их периодичность.

Но Герценштейн хочет еще раз доказать, что «синтетическая теория» по-иному, чем у Маркса и Ленина, ставит основные проблемы кризиса. И он не только обсобляет оба эти момента, но механистически противопоставляет необходимость кризисов их периодичности, разрывая всякую связь между ними.

Так, рассматривая проблему периодичности, Герценштейн заявляет, что «здесь не ставится вопрос, почему кризисы неизбежно происходят»[52], здесь «на третьей ступени мы... берем не самый кризис как таковой, ибо нас интересует здесь вопрос не о необходимости кризисов, а о развертывании этой необходимости в ходе цикла»[53].

Дальше Герценштейн еще точнее поясняет свою мысль: «На первой ступени анализа мы брали возможность как таковую, на второй — необходимость как таковую. На третьей ступени мы изучаем многосторонний процесс перехода возможности в необходимость»[54].

Теперь становится ясным, почему нужно противопоставить необходимость кризисов их периодичности и разорвать всякую связь между ними.

Оказывается, что существует «возможность как таковая» и «необходимость как таковая». Но эта «необходимость как таковая» еще не обусловливает перехода возможности в действительность. Действи-

49 Вступительная статья к Митчеллю, с. XXXIX.
50 Там же, с., XLII.
51 „Капитал", т. I, с. 504.
52 Вступительная статья к Митчеллю, с. XLII.
53 Там же, с. XLIII.
54 Там же

тельность развертывается лишь в том случае, если в ее превращении из возможности примет участие новая, рожденная схоластикой Герценштейна категория необходимости «не как таковой».

После всех этих «открытий» неудивительно, что Герценштейн основным недостатком сисмондистской школы считает то, что она «упускает из виду периодичность кризисов» и что «неудовлетворительность бесчисленного множества объяснений» кризисов со стороны немарксистов по мнению Герценштейна происходит «помимо логических ошибок анализа — от непонимания методологической обязательности подобного ступенчатого построения и бессознательной для самих исследователей фиксации теоретического анализа лишь на одной из этих ступеней» [55].

Ведь весь «синтез» Герценштейна и заключается в том, что он эклектически объединяет в своей концепции кусочки различных и противоположных теорий.

Герценштейн впрочем, не скрывая, сам сообщает о таком своем понимании синтеза.

«Одни, — пишет он, — сводят основу кризиса к недопотреблению, другие — к диспропорциональности, третьи — к ухудшению условий присвоения прибыли. Каждая из этих точек зрения неверна потому, что носит одностороний характер» [56].

Если же теории мелкобуржуазных сисмондистов и буржуазных диспропорционалистов неверны только вследствие своей односторонности, то тогда действительно имеются все основания к соединению их в многостороннее синтетическое учение.

И Герценштейн так и поступает, под флагом синтеза преподнося насквозь эклектическую теорию кризисов.

Но здесь у него нет разрыва теории с практикой, ибо защищаемое Герценштейном вульгарное понимание причинности и требование замены причинного объяснения взаимодействием служит ему методологическим обоснованием для построения теории кризисов из кусков и элементов различных теорий.

Герценштейн приводит уйму цитат из Гегеля, Энгельса и Ленина по вопросу о причинности. Но в марксистском понимании проблемы причинности Герценштейн совершенно не разобрался.

Конечно «причина и следствие, ergo лишь моменты всемирной взаимозависимости, связи (универсальной), взаимосцепления событий, «лишь звенья в цепи развития материи»,—как говорит Ленин,—и когда мы говорим о причине, то предполагаем «всесторонность и всеобъемлющий характер мировой связи, лишь односторонне, отрывочно и неполно выражаемой каузальностью» [57].

Но диалектический материализм не отказывается от причинного объяснения; и взаимодействие он рассматривает как причинное отношение, подчеркивая недостаточность и пустоту г о л о г о понятия «взаимодействия» [58], утверждая, что только «взаимодействие» = пустоте [59], как отмечает это Ленин.

И если Ленин замечает, что Гегель так мало останавливается на каузальности «потому, что для него каузальность есть лишь о д н о

---

[55] Вступительная статья к Митчеллю, с. XXXIV.
[56] Журн. „МХ и МП“ № 1, за 1930 г., с. 58.
[57] „IX Ленинский сборник“, с. 161.
[58] Там же, с. 167.
[59] Там же, с. 169.

из определений универсальной связи, которую он гораздо глубже и всестороннее охватил уже раньше во всем своем изложении, всегда и с самого начала подчеркивает эту связь, взаимопереходы и т. д.»[60], то и Маркс мало останавливается непосредственно и специально на проблеме каузальности в объяснении кризиса, поскольку при рассмотрении процесса капиталистического производства он, — начиная уже с анализа товара, — всесторонне охватил связи и переходы возможностей и условий кризиса, раскрыв тем самым их необходимость.

Но Маркс вовсе не отказывается от применения категорий причинности при объяснении кризисов, ибо причинное отношение раскрывает отношение связи: «требование посредства (связи) — вот о чем идет речь при применении отношений причинности»[61], говорит Ленин.

Герценштейн же, утверждающий против Митчелля, что «нельзя ни в коем случае удовлетвориться голой идеей взаимодействия[62], в результате отрицания допустимости причинного объяснения вообще, в конце концов сам оказался на позициях того же вульгарно понимаемого взаимодействия.

Ибо категория причинности по Герценштейну не только «перекрывается»[63] понятием взаимодействия, но по его пониманию причинность в марксистской теории заменяется отношением взаимодействия: «отношение причины и следствия, — пишет он, — должно быть заменено универсально широким диалектическим отношением взаимодействия[64].

Но в понимании самого взаимодействия Герценштейн воспринимает точку зрения философии прагматизма.

Считая, что прагматизм «в этом отношении (т. е. в понимании причинности — *А. Б.*) несомненно имеет нечто общее с диалектическим материализмом»[65], Герценштейн тут же сам чисто сенсуалистски определяет жизнь как «...универсальное взаимодействие фактов»[66].

И дальше Герценштейн заявляет, что он признает «бесспорной»[67] следующую насквозь идеалистическую, чисто прагматическую формулировку Митчелля, в которой категории причины и следствия рассматриваются исключительно субъективно: «Явление, которое нам сначала представляется следствием, затем превращается в причину, и так как тот процесс, за которым мы следим, непрерывен, то мы должны рассматривать одни и те же явления сначала с одной, а потом с другой точки зрения»[68].

Замена причинного объяснения объяснением из прагматически понимаемого взаимодействия и есть переход на позиции методологии вульгарной и эклектической методологии взаимодействия.

Но эта методологическая основа вполне соответствует тому эклектическому вареву, которое под видом «синтетической теории кризисов» развивает Герценштейн.

---

[60] IX „Ленинский сборник", с. 167 (подчеркнуто Лениным).
[61] Там же, с. 169, 61. Вступительная статья к Митчеллю, с. XXIX.
[62] Вступительная статья к Митчеллю, с. XXIX.
[63] Там же, с. XXVIII.
[64] Там же, с. XXIX.
[65] Там же, с. XXVI.
[66] Там же, с. XXVI.
[67] Там же, с. XXVII.
[68] Там же, с. XXVII (подчеркнуто здесь всюду мною.— *А. Б.*).

Подменив диалектику эклектикой, Герценштейн закрыл себе путь к пониманию действительной сути буржуазных теорий.

Так, основное отличие Митчелля от Маркса наш автор видит в том, что Митчелль... не понял связи абстрактного с конкретным, что он не сумел связать индукции с дедукцией.

Послушаем Герценштейна: «Несомненно, что и Маркс в определенном смысле этого слова эмпирик... Но он с замечательным мастерством умеет связывать индукцию с дедукцией... Иное у Митчелля. Он не приемлет метода изолирующей абстракции...

«Таким образом траектория движения исследовательской мысли от конкретного к абстрактному и обратно абсолютно чужда Митчеллю. У него нет и слабого намека на понимание подобной манеры забрасывать невод познания в море фактов» [69].

Отсюда Герценштен заключает, что «дефекты методологии» Митчелля объясняются его «основным пороком—непониманием связи абстрактного и конкретного» [70].

Так формулирует Герценштейн отличие капиталистического апологета—коренного классового врага марксизма—Митчелля от Маркса.

Апологетизма Митчелля Герценштейн вообще не видит. Он говорит о Митчелле, что «с безотчетной и завидной наивностью он берет факты, как они есть» [71], он упрекает Митчелля лишь за «упрощенный строй научного мышления» [72].

Более того, Герценштейн договаривается до совершенно чудовищных положений, доказывая... родство философии прагматизма Митчелля с диалектическим материализмом Маркса: «Требование постоянного контакта с реальной действительностью... является несомненно положительным моментом в концепции прагматизма. Оно роднит его с диалектическим материализмом» [73].

Немудрено после этого, что Герценштейн некритически воспринимает эмпирические закономерности, устанавливаемые буржуазными экономистами (например признание «бесспорными» выводов другого буржуазного апологета Афталиона [74], установление закона понижения производительности труда в фазе подъема и т. д. [75].

Но вернемся к герценштейновской критике Митчелля. Характерно, что Герценштейн ограничивается исключительно формальной критикой Митчелля, совершенно обойдя центральную идею митчеллевской концепции, его неприкрыто апологетическую теорию трехлетних циклов. Но это понятно: ведь работы Герценштейна вообще замыкаются в кругу формально-логических конструкций.

Наряду с основным пороком Митчелля — непониманием связи абстрактного с конкретным —Герценштейн останавливается в своей критике «на двух центральных проблемах, правильное решение которых имеет огромное значение для выработки адэкватной теории цикла: 1) проблеме причинности и 2) проблеме равновесия» [76].

Мы уже видели, как Герценштейн «критикует» Митчелля в вопросе о причинности.

---

69 Вступительная статья к Митчеллю, с. XX.
70 Там же, с. XXVI.
71 Там же, с. XVI.
72 Там же, с. XVIII.
73 Там же, с. XIX.
74 Предисловие к Афталиону, с. V.
75 Вступительная статья к Митчеллю, с. XLVI и XLIX.
76 Там же, с. XXVI.

Рассмотрим теперь трактовку Герценштейном вопроса о равновесии.

Известно, что буржуазные теоретики обычно подходят к изучению явлений с точки зрения постулата равновесия. Они утверждают, что всякое движение основано на вращении вокруг некоего метафизического стержня равновесия.

Методология, основанная на «постулате равновесия», нашла себе широкое применение в буржуазной экономической науке вообще и особенно в объяснении теоретиками буржуазии цикличности капиталистического развития, т. е. в теории кризисов.

Послушаем снова Герценштейна: «Апеллирование непосредственно к форме движения, — говорит наш автор (т. е. к различным фазам цикла — *А. Б.)*,— лишает нас понимания скрепляющего стержня всего процесса. Конъюнктурные зигзаги становятся произвольными, случайными, не имеющими каких-либо твердых границ. Не найден предварительно скрытый определяющий центр их тяготения, непонятно, почему прилив должен смениться отливом.

Функциональное значение последовательной смены цикловых фаз для процесса воспроизводства общественного капитала остается полной загадкой. Отсутствие обобщающей и д е и внутреннего единства процесса приводит к рассмотрению цикла как совокупности колебаний отдельных элементов хозяйственной жизни» [77].

Мы хотели уже начать переводить Герценштейна на обыкновенный русский язык, но вспомнили, что неплохой перевод этих положений Герценштейна уже сделан был одним известным автором в 1926 г. «Для того чтобы понять и измерить конъюнктурные колебания, — писал этот автор, — нужно прежде всего установить систему равновесия, лежащую внутри явлений, отправляясь от которой только и можно научно проанализировать конъюнктурные колебания. Следовательно нужно измерить конъюнктурные колебания не в отношении предшествующих моментов, а в отношении установленной системы равновесия».

Всякий объективный читатель согласится с правильностью изложения сим автором идей Герценштейна. Единственная неточность перевода заключается в том, что Геценштейн более выпукло подчеркивает значение самой и д е и равновесия, которая (идея) обобщает во внутреннее единство отдельные элементы хозяйственной жизни.

Но кто сей автор, так хорошо предугадавший и понявший Герценштейна? Это—Опарин, хваливший в своем содокладе докладчика Кондратьева за подход к большим циклам «с точки зрения равновесия» [78].

После этого уже никого не могут удивлять упреки Герценштейна по адресу Митчелля, по поводу... непризнания последним постулата равновесия в качестве исходного пункта в теории циклов: «Речь идет, — пишет Герценштейн, — о целесообразности применения постулата равновесия к теоретическому анализу капиталистических кризисов. О б щ а я д е ф е к т н о с т ь м е т о д о л о г и и М и т ч е л л я с к а з ы в а е т с я в т о м, ч т о о н р е ш и т е л ь н о о т р и ц а е т п р а в о м е р н о с т ь э т о г о п о с т у л а т а» [79].

---

[77] Вступительная статья к М и т ч е л л ю, с. XXXII—XXXIII.
[78] К о н д р а т ь е в и О п а р и н, Большие циклы конъюнктуры, с. 78—79.
[79] Вступительная статья к М и т ч е л л ю, т. XXXI.

А следствием методологии Герценштейна, основанной на «постулате равновесия», является механистическое, внеисторическое понимание его, что «сущность кризиса заключается прежде всего в катастрофическом нарушении обмена веществ в капиталистическом хозяйстве»[80].

Но критический разбор Герценштейна заставляет нас подвергнуться обвинениям в спутывании фронтов», ибо мы на самом деле не решаемся определить, что более характерно для него: механистическая методология или формалистический идеализм?

Идеализм Герценштейна, кантианский отрыв формы от содержания, особенно наглядно выступает у него в вопросе о соотношении между эволюцией капитализма и проблемой циклов.

Если многие буржуазные экономисты, подчеркивая индивидуальность и самобытность каждого цикла, видят за всеми различиями в циклах лишь одно формальное сходство, то это объясняется непониманием ими тождества основания кризисов, того, что кризисы являются выражением взрыва противоречий буржуазного общества.

Такое понимание весьма ярко выражено у Митчелля. Но слепой ко всем проявлениям апологетики, Герценштейн не замечает этого порока Митчелля. Наоборот, он подчеркивает, что у Митчелля «правильны указания на индивидуальную самобытность цикла»[81].

И это замечание для Герценштейна неслучайно; оно связано со всем его идеалистическим представлением о цикле как пустой, бессодержательной форме, а отсюда — и о повторяемости в циклах лишь одних формальных моментов.

Циклический ритм,— говорит он,— не составляет содержания капиталистической динамики. Он лишь своеобразно формирует это содержание соответственно самой природе последнего. Циклическое движение сочетается со структурным развитием. Эволюция капитализма — это содержание динамики, цикл—ее форма... Понятия эволюция и цикл не совпадают друг с другом. Они отражают единый капиталистический процесс с различных точек зрения. Одно — как развитие ступеней, другое — как повторение фаз[82].

Итак, мы узнали, что, во-первых, соотношения формы (цикла) с содержанием (эволюция) понимается Герценштейном как сочетание; во-вторых, что отличие формы от содержания заключается только в различиях точек зрения, т. е. оно по пониманию Герценштейна существует лишь субъективно, и наконец, в-третьих, что эволюция капитализма противопоставляется циклическому движению и отрывается от него.

В самом деле, совершенно непонятно, почему эволюция капитализма является содержанием цикла? Разве эволюция означает что-либо иное, кроме определения формы движения? Но разве капитализм знает какую-либо иную форму движения, кроме циклической? И что вообще сия мудрость об эволюции как содержании и цикле, как форме должна обозначать?

---

[80] Вступительная статья к Митчеллю, с. XXXV. Следует вместе с тем отметить, что Герценштейн допускает грубую ошибку, считая, что Митчелль отказался от постулата равновесия. „Представленное нами равновесие, — пишет Митчелль, — ближе к балансу бухгалтерии, чем к механическому равновесию“ („Циклы“, с. 193).

Но разве митчеллевское балансовое равновесие не есть механистическое равновесие?

[81] Там же, с. LXXV.

[82] Там же, с. LXXII.

Но для Герценштейна цикличность представляет собой бессодержательную, пустую форму, поэтому он и противопоставляет ее эволюции капитализма.

Так Герценштейн пишет: «Явление цикла не тождественно колебанию маятника часов. Повторяются не конкретные факты данного цикла, но лишь аналогичные состояния хозяйственного процесса, внешне сходные, но внутренне наполненные новыми историческими явлениями и своеобразными взаимоотношениями... Тождественны не факты, образующие содержание циклов, но лишь формальные комбинации фактов, их конъюнктурный ритм»[83]. Следовательно, в постоянной повторяемости капиталистических циклов проявляется лишь внешнее сходство, а конъюнктурный ритм представляет собой лишь формальную комбинацию, т. е. пустую, бессодержательную форму.

И эта идеалистическая премудрость выдается за последнее слово марксизма!

---

[83] Вступительная статья к Митчеллю, с. LXX.